

Е. Ю. Дубровская
Петрозаводск

**Восприятие времени
жителями карельского приграничья
в первой трети XX века: к постановке проблемы¹**

Пространственно-временные образы являются едва ли не основными формами восприятия человеком окружающего мира. Конкретное восприятие времени, как и пространства, специфично для каждой культурной традиции. Это прослеживается и при изучении эпических памятников в качестве важных исторических источников, и при знакомстве с источниками личного происхождения, какими могут служить дневники, воспоминания, эпистолярное наследие, биографии и автобиографии и т. д.

Человек не рождается с «чувством времени», его временные и пространственные понятия всегда определены культурой, к которой он принадлежит, а всякого рода социально-культурные трансформации ведут за собой изменение мироощущения людей [Веретенникова 2003: 115]. Изучая изменения, которые произошли в традиционном укладе жизни в городской среде и в карельской деревне в первой трети XX в., можно проанализировать, как воспринималось время жителями карельского края в начале XX столетия, в переломную «революционную» эпоху общественно-политических потрясений 1917 г., Гражданской войны и иностранной интервенции в Карелии, в первые годы советской истории края.

Источниковую основу исследования составили как опубликованные, так и неопубликованные документы. К первым относятся вышедшие в 1932, 1957 и 1963 гг. сборники воспоминаний участников драматических событий 1917–1922 гг. в советской Карелии и увидевшие свет совсем недавно рассказы об истории карельских династий, принадлежащие перу наших современников [В боях 1932; В борьбе 1957; За Советскую 1963; Тугарины 2008 и др.]. Языковедам и историкам известны воспоминания жительницы д. Пелдожа Пряжинского р-на А. И. Баранцевой, почти ровесницы XX в., чьи рассказы на

---

¹ Статья подготовлена в рамках фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

карельском языке с переводом на русский составили публикацию 1978 г. [Баранцев 1978].

Особый интерес представляют хранящиеся в Архиве КарНЦ РАН многочисленные воспоминания очевидцев и участников событий революционного и военного времени, записанные в 1930-е гг. как историками, так и фольклористами, выезжавшими в карельское приграничье, в Поморье, в глубинку бывшей Олонецкой губ. Об этих источниках нами уже был подготовлен ряд публикаций.

Совершенно уникальным источником, позволяющим почувствовать ход времени в приграничье и в губернском центре Олонецкого края в начале XX столетия, являются воспоминания И. М. Никитина (1881–1965), родившегося в семье шуезерских карелов, выходцев из д. Каратсалми Выборгского уезда Сердобольской губ. Эти воспоминания включают как записи, подготовленные для КГКМ, так и сделанные «для себя» и ныне хранящиеся у родственников И. М. Никитина².

Проблемам изучения совокупности идей и образов, отражающих специфику восприятия, осмысления и оценки прошлого, связи прошлого, настоящего и будущего, глубины и вектора исторической памяти (памяти о прошлом) как универсального способа построения идентичности сегодня уделяется достаточно внимания специалистами в различных областях гуманитарного знания (работы московских историков Л. П. Репиной, М. Ф. Румянцева, В. П. Булдакова, петербургских исследователей О. М. Фишман, Б. И. Колоницкого, исследовательницы из Хельсинки У.-М. Пелтонен и др.). Перспективным видится исследование комплекса аналоговых и контрастных характеристик «своего» и «чужого» прошлого, мифов об этнической или национальной исключительности.

В этом отношении неизбежно возникает вопрос о том, как в начале XX в. шел процесс формирования в российской официальной печати определенных представлений у читательской аудитории Финляндии и Карелии о населении приграничных территорий. Представляется необходимым проследить на карельском материале основные толерантные и конфликтные мифы, идеи и лексемы, которые уже

---

² Приношу благодарность внуку и правнучке И. М. Никитина – М. В. Никитину, осуществившему как обработку личного архива семьи, так и составление основного корпуса текстов мемуарного характера, и выпускнице филологического факультета КГПУ Е. П. Михалева за предоставленную возможность ознакомиться с воспоминаниями.

тогда использовались для создания как этнических и этнополитических образов, так и образов времени.

А. Ю. Осипов, автор недавно опубликованной в хельсинкском русскоязычном журнале «LiteraruS» статьи о событиях крестьянского восстания зимы – весны 1921–1922 гг. в Беломорской Карелии, уделяет внимание использованию известных эпических образов в качестве символического оружия повстанцев [Осипов 2007].

Подтверждение этого находим в многочисленных записях воспоминаний уроженцев приграничных деревень Вокнаволоок, Контокки, Тунгуда и др. из коллекции «Рассказы о Гражданской войне в Карелии» (Архив КарНЦ РАН). Отложившиеся в архиве материалы личного происхождения сохранили свидетельства о том, как память жителей приграничья о мифологическом времени была востребована руководителями антисоветского движения, а имена фольклорных персонажей стали псевдонимами – финский егерский капитан Ялмари Таккинен, инструктировавший повстанцев в военном деле, назвал себя «Вяйнемейненом», а его помощник Василий Сидоров (Левонен) из д. Берез-наволоок, недавний владелец кожевенной мастерской, получил прозвище «Илмаринен».

По наблюдениям исследователя, мифологические «Вяйнемейнен» и «Илмаринен» появились вскоре после того, как все руководство восстанием оказалось в руках офицеров финляндской армии. Егерский майор Пааво Талвела, как и большинство других офицеров, ограничился скромным псевдонимом «Уйнонен»: «Для них псевдонимы выполняли исключительно практическую нагрузку», поскольку Советской России «было совсем не обязательно знать, что офицеры финляндской армии участвуют в столь сомнительной операции даже в качестве добровольцев» [Осипов 2007: 17]. В любом биографическом и автобиографическом повествовании событийное время представляет основную конструирующую модель, а датировка – вторична, опосредуется событиями и весьма приблизительна. Таким образом, «календарная» хронология в семейных меморатах представлена ограниченно [Разумова 2001: 243] Однако включение дат в повествование указывает не только на его документальную основу, но и является свидетельством образовательного уровня автора воспоминаний.

Это можно проиллюстрировать сопоставлением уже упоминавшихся текстов рассказов крестьянки А. И. Баранцевой и И. М. Никитина. Последний в конце XIX в. получил образование в петрозаводском городском училище, более двух десятков лет прослужил в

Олонецкой Духовной консистории, а в советское время более тридцати лет отдал службе в органах милиции и вышел в отставку в звании майора.

Сообщая о своих предках, работавших на Суоярвском чугуноплавильном заводе (завод действовал в системе Олонецких металлургических предприятий), И. М. Никитин дает ссылки на работы карельских историков 1950–1960-х гг., приводит даты реформы 1861 г., русско-турецкой войны 1877–1878 гг., поясняет различие старого и нового стилей.

В рассказах А. И. Баранцевой события отечественной истории также составляют «систему внешних ориентиров», однако подчас получают названия, непривычные для «официальной» периодизации, но, по-видимому, распространенные в карельской деревне и вполне объяснимые. Так, Первую мировую войну она называет «австрийской», Великую Отечественную – «финской», поскольку ее родная деревня находилась на территории, оккупированной финскими войсками в период Второй мировой войны. Иногда информант путает события 1918–1920 гг., события Гражданской войны вне пределов Карелии она называет «другая война», когда «Юденич на Петроград наступал» или шли бои на польском фронте. «...Когда гражданская война или как ее называют» кончилась, «муж вернулся домой», «не знаю, какие годы были, саперы стояли в нашей деревне», «потом эта война началась, эта последняя война» [Баранцев 1978: 200, 261, 262, 264–265]. Упоминания рассказчицы «о приходе белых в Пелдожу в 1918 г.» (в действительности весной 1919 г.) потребовали соответствующего комментария составителя А. П. Баранцева и уточнения дат. В повествовании об отъезде в эвакуацию в 1941 г. вспоминается «белогвардейский пулемет» [Там же: 271].

Аналогично в воспоминаниях «О двух дядях Петях» олончанина Ф. Петрова, который семилетним ребенком стал свидетелем нападения финского отряда на его родную пограничную деревню в апреле 1919 г., появляются реалии, относящиеся ко времени Второй мировой войны: «Стрельба началась, деревню заняли фашисты», «зажиточный крестьянин встречал фашистов хлебом-солью, тут собрались и народ, и фашисты» [Петров 2002: 1–5].

Временным ориентиром, наиболее часто встречающимся в рассказах А. И. Баранцевой о дореволюционной действительности, являются понятия «раньше», «в старое время», противопоставляемые нынешнему «внутреннему времени», которое обозначается как «после»,

«потом». Понятию «всегда» соответствует временной континуум «весь век», его составляют «память предания» и «память мемората» [Разумова 2001: 241]: «В деревне у нас была часовня, и старые, и молодые *всегда* ходили туда, *на нашей памяти* и *в старину*, пока не снесли часовню» [Баранцев 1978: 34; курсив мой. — *Е. Д.*]

Рассматриваемые источники позволяют увидеть, что стабильность жизненного круговорота в деревне и в первые годы советской власти была обусловлена «природным» временем. Временной цикл был подобен природному, господствовало представление о Времени-круге, а цикл крестьянской жизни по-прежнему связывался с церковным календарем. Воспоминания участников Гражданской войны в Карелии, опубликованные в 1932 г., свидетельствуют о сохранявшейся практике измерять течение времени привычными церковными праздниками. Их авторы — «новые люди» — пишут, например, о событиях, которые пришлось на праздник Пасхи, чего уже не встретишь в отредактированных текстах, опубликованных в 1950–1960-х гг. Однако в рассказах все чаще стали появляться новые временные ориентиры: «После празднования первой годовщины Октября, в десятых числах ноября 1918 года, у меня на квартире было созвано узкое совещание группы коммунистов», «...убили моего брата... в своей деревне, накануне Дня 8 марта» [В борьбе 1957: 130; Баранцев 1978: 146]. Прежние же требовали оговорки, наподобие «в праздник так называемой „пасхи“» и т. п.

По свидетельству красного партизана Н. М. Кокочева, во время боев 1919 г. у д. Михеева Сельга в Заонежье один из красноармейцев из Матгубы «говорил с усмешкой: „Крыши своих домов видны. Как хорошо бы о „масленной“ поесть теплых лепешек, но не сходишь“. В первый же день „великого поста“ после неудачной „масленицы“ был отдан приказ наутро идти в наступление» [В боях 1932: 128].

Революции всегда ставят вопрос о своей временной идентичности. В точном соответствии с сутью революционного времени новые праздники призваны были обозначить наступившую новую эпоху. Революционный процесс, подчинив себе время и в значительной степени пространство, дойдя из центра до самых глухих уголков, становился тотальным, вне его ничто больше не могло происходить [Захарченко 2003: 202].

Отмечавшиеся в воспоминаниях бывших фронтовиков «отсутствие перемен», которое они обнаруживали в родной карельской глубинке, воспринималось как досадный анахронизм и требовало «исправления». В августе 1917 г. в «Известиях Гельсингфорсского

совета» было опубликовано письмо военнослужащего И. Галкина, командированного в Петрозаводский уезд Олонецкой губ., о посещении им родных мест. Автор заметки под говорящим заголовком «Как в доброе старое время» пишет о том, как, прибыв на станцию Петрозаводск, он «по старому способу передвижения уселся в кабиолетку, старую, скрипучую всеми своими частями, как старик, потрудившийся за свою долгую жизнь, полную лишений и страданий» и «тихо плелся к родному дому» [Галкин 1917].

Эта идиллическая картина оказалась нарушена появлением пронесшейся навстречу тройки, которая везла «сидевшего козырем» офицера – «его благородие» с «кокардой на фуражке», черными усами, «рачьими глазами». Мрачный образ высшего военного чина усилен сообщением о том, что с ним вдобавок ехали «дама и какая-то собачка». «Многое мы пережили, многое изменилось, но как-то характер „благородий“ до конца веков остается прежним», – сетует автор письма, рассказывая, как проезжий офицер грозным окриком потребовал уступить ему дорогу. «Важнее всего и необходимо – принять немедленные и действенные меры к организации деревни, чтобы подобным окрикам не было места», – заключает И. Галкин.

Представления рядового об уплотненном, ускорившемся социальном времени, основанные на полугодовом опыте революционных преобразований в войсках, приходили в противоречие с реальной ситуацией провинциальной жизни.

Литература

Баранцев 1978 – Баранцев А. П. Образцы людиковской речи. Образцы корпуса людиковского идиолекта. Петрозаводск, 1978.

В боях 1932 – В боях за советскую Карелию: Очерки и воспоминания. Л., 1932.

В борьбе 1957 – В борьбе за власть Советов: Воспоминания участников борьбы за установление Советской власти в Карелии. Петрозаводск, 1957.

Веретенникова 2003 – Веретенникова С. С. Время и пространство в восприятии ранних купцов и предпринимателей Флоренции // Пространство и время в восприятии человека: историко-психологический аспект. Материалы XIV междунар. науч. конф. Ч. I. СПб., 2003. С. 115–118.

Галкин 1917 – Галкин И. Как в доброе старое время // Известия Гельсингфорсского совета депутатов армии, флота и рабочих. 1917. 8 сент.

Захарченко 2003 – Захарченко Г. В. Революционное время и его особенности // Пространство и время в восприятии человека: историко-психологический аспект. Материалы XIV междунар. науч. конф. Ч. I. СПб., 2003. С. 200–207.

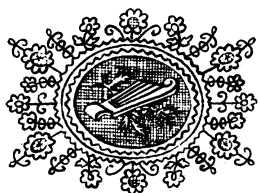
За Советскую 1963 — За Советскую Карелию. 1918—1920: Воспоминания о гражданской войне. Петрозаводск, 1963.

Петров 2002 — Петров Ф. О двух дядях Петях // Архив КарНЦ РАН. Фольклорная коллекция. Поступления 2002 г.

Осипов 2007 — Осипов А. Ю. Вяйнемейнен и Илмаринен против Красной армии // LiteraruS — Литературное слово. 2007. № 3. С. 16—19.

Разумова 2001 — Разумова И. А. Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. М., 2001.

Тугарины 2008 — Тугарины. Портрет на фоне времени. Петрозаводск, 2008.

В. П. Ершов
Петрозаводск

**«Калевала» о воспитании
«подрастающего народа»**

«Калевала» — это памятник древней педагогики, «педагогическая поэма». «В народной педагогике раскрываются особенности *национального* (курсив мой. — В. Е.) характера, лицо народа», — справедливо писал ныне забытый В. А. Сухомлинский [Сухомлинский 1974: 161—162]. Предлагаемая статья является далеко не первой попыткой проследить народный опыт воспитания детей, их подготовку к трудовой, семейной жизни, понять психологию взаимоотношений детей и родителей, влияние общины-рода на детей. Еще в 1966 г. вышла небольшая работа З. М. Упоровой «Калевала в школе», в которой она показывает, насколько интересно это произведение в дидактическом отношении: «Она полна педагогических намеков и счастливых находок» [Упорова 1966: 7]. В 1979 г. издательство «Карелия» выпускает альбом детских рисунков «Дети рисуют „Калевалу“», в 1985 г. — учебное пособие для учителей начальных классов А. Ф. Мухиной и Л. И. Шитиковой «Младшим школьникам о „Калевале“» [Мухина, Шитикова 1985], в 1988 г. — моя книжка «Сказка — ложь, да в ней намек...» [Ершов 1988], несколько раньше одноименная статья в журнале «Наука и религия» [Ершов 1980]. В 1980-е юбилейные годы (1985 г. — 150 лет со дня выхода «Калевалы») выходят несколько статей